

Благочинническая библіотека. 1. Недавно на страницахъ нашихъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ поднимался вопросъ о благочинническихъ библіотекахъ, о ихъ пользѣ, о желательномъ подборѣ книгъ и т. д., но слишкомъ скоро затихъ. Поговорилъ на эту тему о. Ст. Филипповъ, возразилъ ему противъ нѣкоторыхъ подробностей о. Мих. Звѣревъ и только... А признаться я былъ убѣжденъ, что вопросъ этотъ заинтересуетъ многихъ, полемика на эту тему разгорится и разработаетъ вопросъ всесторонне, но, какъ видите, ошибся. Первое время я пытался увѣрить себя, что никто не отозвался на призывъ о.о. Филиппова и Звѣрева только потому, что вопросъ о пользѣ книги — библіотеки настолько всѣмъ и каждому понятенъ, необходимость устройства этихъ библіотекъ настолько каждому ясна, что и говорить объ этомъ считаютъ излишнимъ.

Помилюйте, говорили мнѣ всѣ, съ кѣмъ я начиналъ говорить на эту тему, что тутъ писать, развѣ это еще не всякому понятно. Эдакъ вы, батюшка мой, потребуете полемики и о томъ, что огонь горячъ и снѣгъ холоденъ.

Хорошо, если бы это было такъ... Но вотъ вопросъ, если всѣ такъ думаютъ, то почему библіотеки не нарождались ранѣе; почему въ нашей епархіи я знаю только двѣ библіотеки, да и тѣ спятъ сномъ заколдованныхъ красавицъ? Получается что-то крайне несообразное. Съ одной стороны дѣло всякому понятное, для каждаго необходимое, съ другой, не только нѣтъ охотниковъ пройти тридевять земель, забратъся въ тридесятое царство, чтобы разбудить этихъ спящихъ красавицъ, а даже никто не хочетъ и пальцемъ пошевелить, чтобы сдвинуть впередъ это полезное и необходимое дѣло.

Невольно усумнишься и подумаешь: да такъ ли дѣло библіотекъ всякому понятно, такъ ли всѣ думаютъ, какъ говорятъ?..

Конечно, возражая этому сомнѣнію можно наговорить „съ три ко-

роба“. Рады, радешеньки порадыть доброму дѣлу, да видите ли, никакъ нельзя... Тутъ и мѣстные причины мѣшаютъ, и тяжелыя времена портятъ, и бюрократія препятствуетъ, а, главное, синій мундиръ и свѣтлыя пуговицы... Подождите, вотъ начнемъ и мы дѣйствовать. Охотно согласился бы и сталъ бы ждать, „когда ракъ свиснетъ“, если бы не слѣдующее. Мы, духовенство Тобольской епархіи, въ матеріальномъ отношеніи поставлены, пока, очень сносно, а потому истратить на полезное дѣло—для священника рублей двадцать пять въ годъ, для діакона рублей пятнадцать, для псаломщика рублей десять, никакого лишенія, никакой жертвы не составитъ. Тратимъ же $\frac{3}{4}$, если не $\frac{9}{10}$, изъ насъ отъ 10 до 50 рублей въ годъ на табакъ. Слѣдовательно, если мы находимъ возможнымъ платить за отравленіе никотиномъ себя и своего семейства, въ среднемъ, 30 рублей въ годъ, то истратить на необходимое дѣло, снабженія себя и семейства книгами, въ среднемъ, 15 руб. въ годъ—*должно*.

Теперь представьте себѣ, что при исполненіи послѣдняго условія, у каждаго изъ насъ, прослужившихъ 8—10 лѣтъ, были бы библіотеки томовъ 200—500, а у тѣхъ, кто прослужилъ лѣтъ 20—30 что бы было бы?

Да какія это были бы библіотеки—лучше и придумать нельзя. Вѣдь каждая изъ такихъ библіотекъ, отвѣчала бы самымъ насущнымъ потребностямъ хозяина—составителя. Она давала бы ему, именно, ту духовную пищу, въ которой онъ самъ и его семья нуждаются, отвѣтила бы, именно, на тѣ вопросы, которые его интересуютъ, а иной разъ, и мучаютъ...

Это было бы такъ хорошо, что я не могу удержаться, чтобы не помечтать на эту тему. Приѣзжаете, напр., ко мнѣ вы, читатель, и вамъ нужны послѣднія сочиненія Толстого и его оппонентовъ—Гусева и другихъ. Я же человѣкъ практики, интересуюсь пчеловодствомъ, пчеловодствомъ, а религіозная борьба меня мало интересуеетъ, но я охотно укажу вамъ моего сослуживца о. Н-скаго. Онъ человѣкъ внимательно слѣдящій за движеніями философской и религіозной мысли. У него есть очень много книгъ, касающихся религіи и философіи. Или встрѣчаю я у того же о. Н-скаго человѣка въ лакированныхъ ботинкахъ, въ цвѣтномъ галстухѣ, съ усиками, закрученными умопомрачительными стрѣлочками. Онъ роется въ библіотекѣ Н-скаго, но ему, какъ на грѣхъ попадають

Іоаннъ Златоустъ, Блаженные Іеронимъ, Августинъ и т. д. „Нѣтъ ли чего поновѣе“, проситъ онъ о. Н-скаго. Тотъ указываетъ ему книги поновѣе, но и тутъ бѣда: Архіепископы Антоній, Иннокентій, Ренанъ, іеромонахъ Михаилъ, священникъ Петровъ и т. д.

Знаете что, подхожу я къ нему, и направляю его къ нашему псаломщику, который тоже крутитъ усики, блеститъ лакированными ботинками и имѣетъ много книгъ, въ которыхъ воспѣта и разработана „наука страсти нѣжной“.

Ну, скажите, развѣ это не прелесть? У насъ въ деревнѣ, гдѣ книгу, или вѣрнѣе—дѣльную книгу, встрѣтить труднѣе, чѣмъ бѣлаго слона или бритаго старообрядца, будутъ книги, да еще какія хотите: и богословіе, и философія, и беллетристика, и агрономія, словомъ, что вамъ угодно... Хорошо, право хорошо, „но разлетайтесь вы, думы прекрасныя“!...

А, вѣдь, это не мечта, все это совершенно возможно и безусловно исполнимо. Тутъ и мѣстныя причины, и бюрократія, и, даже, самъ синій мундиръ помѣшать не могутъ. Однако же посмотрите кругомъ себя и скажите, много ли вы знаете такихъ семей, гдѣ моя мечта о домашнихъ библіотекахъ была бы осуществлена? Есть, конечно, есть двѣ—три, много-много шесть—семь, а остальные? Въ массѣ случаевъ не выписываютъ ни одного печатнаго листка и совершенно ничего не читаютъ, кромѣ официальной части Епархіальныхъ Вѣдомостей. Другая, тоже не малая часть, утоляютъ свой духовный голодъ, выписывая что нибудь вродѣ „Родины“, „Свѣта“ или, въ лучшихъ случаяхъ, „Нивы“. Я это говорю, имѣя ввиду семьи не однихъ псаломщиковъ или діаконовъ, но и семьи многихъ священниковъ и священниковъ образованныхъ (если свидѣтельство объ окончаніи той или другой семинаріи считать несомнѣннымъ признакомъ образованности).

Очень недавно мнѣ пришлось попасть въ село, гдѣ у священника, окончившаго одну изъ семинарій, и двухъ псаломщиковъ я нашелъ романъ Шеллера-Михайлова „Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ“ и „Биржевыя Вѣдомости“ и это на три семьи. Согласитесь, это не очень не много.

Чѣмъ это объяснить? Докажите мнѣ пожалуйста, что я ошибаюсь, говоря, что тутъ виновата наша общая славянская лѣнь, равно-

душіе ко всему, кромѣ чисто желудочныхъ интересовъ. Хотите вѣрять, хотите нѣтъ, а я встрѣчалъ и не разъ, что нѣкоторые господа выписываютъ какой нибудь журнальчикъ, преимущественно дешовенькій, и складываютъ его кучкой, даже не разрѣзывая. Или вотъ еще одинъ, очень краснорѣчивый примѣръ. Однажды мнѣ пришлось принимать одну церковную библіотеку. Чистота, порядокъ въ библіотечномъ шкафу были прямо изумительны. Чистенькія, новенькія книжки стройными рядами стояли по полкамъ шкафа. Разставлены онѣ были въ симметричномъ порядкѣ. Книжки побольше размѣромъ стояли сзади и самыя крупныя изъ нихъ были подобраны къ срединѣ, а на обѣ стороны отъ нихъ веерообразно разбѣгались книжки поменьше. Передній рядъ былъ точно также подобранъ изъ книгъ болѣе мелкихъ. Подъ ними были аккуратно наслана совершенно чистая бумага. Прицѣпить бы бѣлые передники, подумалъ я, ни дать—ни взять, институтъ благородныхъ дѣвицъ въ актовомъ залѣ, предъ грознымъ лорнетомъ патронессы...

Невольно протянулись руки, и я взялъ одно изъ этихъ приторно чистенькихъ созданій, это оказалась іюльская книжка „Душеполезнаго Чтенія“ за 1889 годъ. Я разогнулъ ее и она оказалась не только не помята, не запачкана, и въ ней нѣтъ ни одного разрѣзнаго листочка!..

Удивительная бережливость, книжка простояла на библіотечной полкѣ 15 лѣтъ, а ее можно сдать въ любой магазинъ за новую. Въ каталогахъ она числилась, въ отчетахъ значилась и цѣнность ея сохранена. Польза и выгода внѣ сомнѣнія!..

Не говоритъ ли все это за то, что всѣ эти красивыя слова о пользѣ книги, о необходимости библіотекъ, о своемъ желаніи потрудиться на пользу этого дѣла—чужія слова, слова моды, повторяемыя нами только за тѣмъ, чтобы не показаться отсталыми. Мы бросаемъ для этого пять—шесть рублей на выписку журнала, который и не разрѣзываемъ, а на самомъ дѣлѣ, книга, ея польза, необходимость устройства библіотекъ, для насъ въ полномъ смыслѣ „terra incognita“ и интересуетъ насъ столько же, сколько прошлогодній снѣгъ. Но и это еще не бѣда, человекъ, хотя бы изъ пустой моды, повторяющій чужія слова о пользѣ библіотекъ, если же и не поможетъ имъ, то и мѣшать не будетъ. Мнѣ же приходилось наталкиваться въ нашей сре-

дѣ на людей, которые въ данномъ отношеніи шли гораздо далѣе. Одинъ молодой батюшка, изъ неспокойныхъ мечтателей, завелъ у себя при церкви маленькую противораскольническую библиотечку. Повѣрьте, что каждая новая книга для этой библиотечки стоила ему борьбы, непріятностей. Батя настаивалъ и его дитя залепетало. Раскольники пошли къ нему за книгой, онъ самъ вошелъ въ ихъ дома, не для картъ, не для выпивки, а для книги и бесѣды. Тутъ его перевели. „Пропала библиотечка“. „Библиотечки до слезъ жаль“, со слезами въ голосѣ жаловался онъ и не ошибся. Его преемникъ однажды доклевывалъ о. благочинному: „Вотъ человекъ, назавелъ же тавую обузу“.

Да, да согласился о. благочинный: у насъ благочинныхъ такихъ книгъ нѣтъ, а онъ... ну, да теперь поостынетъ, крылья то пообрѣзали.

Не звучитъ ли это, господа, враждой къ книгѣ; книга „обуза“, книга „затѣя“, — эхъ, отцы, отцы!..

Не тутъ ли хотя, приблизительно, вѣрный отвѣтъ на вопросъ, почему полемика о благочинническихъ библиотекахъ такъ скоро затихла, почему такихъ библиотекъ у насъ почти нѣтъ и почему, наконецъ, тѣ библиотеки, которымъ положено начало, спятъ непробуднымъ сномъ заколдованныхъ красавицъ.

Если я, къ несчастію, не ошибаюсь, и этотъ мой взглядъ вѣренъ, то, конечно, библиотеки будутъ нарождаться крайне медленно.

Имъ придется выдержать долгую, упорную борьбу съ самымъ опаснымъ противникомъ, съ равнодушнымъ ко всему лѣнтяемъ и съ непонимающимъ, а потому враждебно настроеннымъ невѣждой. Библиотекамъ придется разшевеливать это равнодушіе, заинтересовать собою, привлечь къ себѣ вниманіе, не изъ пустой моды, а заронить въ душу ту святую искру жажды къ знанію, при которой отсутствіе книги является большимъ лишеніемъ и духовной голодъ дѣлается почти столько же ощутительнымъ, сколько голодъ физическій. Только тогда полный успѣхъ библиотекъ будетъ обезпеченъ.

2. Теперь самъ собою напрашивается вопросъ, какъ достигнуть того, чтобы разшевелить лѣнтяя, помирить съ собою озлобленнаго невѣжду, какъ дать имъ обоимъ книгу живую, полезную, зовущую къ добру, правдѣ... Отвѣчать на эти вопросы тономъ непогрѣшимости, утвер-

дительно предложить тотъ или другой свой проектъ — значить совершенно не понимать предмета, о которомъ рѣчь, и черезчуръ преувеличивать свои микоскопическія силы. Другое дѣло рассказать, какъ бы я попытался осуществить это дѣло, если бы оно попало мнѣ въ руки, — что я сейчасъ и попробую.

Итакъ я, пока мнѣ не докажутъ противнаго, убѣжденъ, что благоточинническая библіотека должна имѣть ввиду не читателя подготовленнаго, съ серьезнымъ навыкомъ и интересомъ къ чтенію, — такихъ не много, но, главнымъ образомъ, читатели или мало подготовленнаго, или совсѣмъ не подготовленнаго къ чтенію. (Особенно, если взять наши семьи — женъ, дочерей). Поэтому благоточиннической библіотекѣ прійдется обратить особенное вниманіе не столько на пользу приносимую чтеніемъ, не на достоинство матеріала предлагаемаго читателю, а не интересность фабулы предлагаемыхъ сочиненій. Вначалѣ она должна будетъ дать именно тѣ книги, которыя читаются съ захватывающимъ интересомъ. Пусть онѣ будутъ не глубоки по содержанію, не такъ полезны по суммѣ даваемыхъ свѣденій, но онѣ въ данномъ случаѣ будутъ много полезны тѣмъ, что мало-по-малу приучатъ къ чтенію.

Эта мысль пришла мнѣ въ голову еще тогда, когда мнѣ приходилось завѣдывать школьными библіотеками.

Прекрасно помнится, какъ, иной разъ, способный, съ большимъ интересомъ ко чтенію подростокъ безпомощно станетъ предъ открытымъ шкафомъ полныхъ книгъ.

— Что не выбираешь? спросишь, бывало.

— Да ничего нѣтъ.

— Какъ, книгъ цѣлый шкафъ?

Подростокъ молчитъ, молчу и я. Оба сознаемъ, что книгъ много, но читать, а особенно этому малышу, дѣйствительно, нечего. Десятки томовъ бездарнаго, сухого описанія Россіи и другихъ странъ; черствое, безжизненное изложеніе исторіи въ десяткахъ же безконечныхъ томовъ; сухіе, мало понятные совѣты нравственности, растянутые на сотни страницъ — наполняютъ этотъ шкафъ. Книгъ же, написанныхъ живо, талантливо, близко къ этому дѣтскому уму (еще только что просыпающемуся) или нѣтъ совершенно, или слишкомъ мало.

Конечно и все то, что есть въ этомъ шкафу и полезно, и нуж-

но знать, но предлагается—то все это въ слишкомъ скучной формѣ. Виновать ли подростокъ, что его просыпающійся умъ ищетъ въ чтеніи не пользы, а умственного наслажденія.

Я самъ съ трудомъ пробѣжалъ эти безконечныя страницы—и пробѣжалъ ихъ, только исполняя мои обязанности. Какъ же предлагать такое чтеніе ребенку или, вообще, читателю безъ подготовки къ чтенію? Серьезное чтеніе задаетъ ему тяжелую, а иной разъ непосильную работу, а работы и такъ достаточно. Повторяю, что какъ подростокъ, такъ и всякій начинающій читатель требуетъ отъ книги умственного наслажденія, а до умственного труда онъ еще не доросъ. Слѣдовательно, предложить ему серьезную книгу,—значитъ убивать въ немъ зарождающуюся охоту къ чтенію. Вотъ почему я не удивлялся, а только безпомощно пожималъ плечами, когда видѣлъ, что десятки школьниковъ, какъ только приходила необходимость предлагать или какую нибудь „Русскую исторію“ графа К. Тостого, начинали охлаждѣвать къ библиотекѣ и скоро теряли съ нею всякую связь. А съ какой жадностью они набрасывались на книгу вначалѣ, пока въ библиотекѣ были не прочитанными: сказки Пушкина, Жуковскаго, Тарасъ Бульба, Басни Крылова и т. д. Какъ весело было смотрѣть на тотъ восторгъ, съ которымъ они передавали другъ другу впечатлѣнія, полученные отъ Ивана Царевича, Робинзона Крузе и т. д. Эхъ, если бы этихъ книгъ—да цѣлый шкафъ, а не эта жалкая кучка!..

Первая прочитанная книжка была „Гуакъ“, потомъ „Ерусалавъ Лазаревичъ“, а далѣе всевозможныя „Солдаты Яшки“, „Англійскіе Милорды“—словомъ тѣ произведенія лубочной литературы, которыя Сытинъ и К^о предлагаютъ нетребовательному младенцу-читателю по 3 к. за штуку. Дѣтъ одиннадцати отъ роду я прочелъ какой то бульварный романишко и увлекся литературой этого рода. Вырвать изъ моихъ рукъ эти поганья книжонки было некому и я прочелъ ихъ столько, что и подумать страшно. Но, какъ бы то ни было, я читалъ и читалъ много. Чтеніе становилось мнѣ привычнымъ—переходило въ потребность. Безъ книжки мнѣ становилось скучно и я самъ искалъ ее и не удивительно, что находилъ „Атамановъ Мстителей“, „Морскихъ разбойниковъ“.

Такъ шло до перваго класса семинаріи, гдѣ судьба послала мнѣ руководителя. Это былъ одинъ изъ тогдашнихъ „шестиклассниковъ“.

Онъ открылъ мнѣ глаза на пошлость, дрянность излюбленнаго мною рода литературы и рассказалъ мнѣ, что есть еще литература Пушкиныхъ, Гоголей, Лермонтовыхъ... Но, на бѣду, мой юный руководитель увлекся и много наговорилъ мнѣ о Достоевскомъ. Мой же возрастъ былъ тотъ, когда хочется сразу стать большимъ и серьезнымъ господиномъ. Я, конечно, и не подозрѣвалъ, какое громадное разстояніе раздѣляетъ произведенія, какой нибудь, Назарьинной, которыми я только что увлекался и произведенія Достоевскаго, которыми такъ восторгался мой руководитель. Вотъ почему я, не задумываясь, прыгнулъ отъ „Атамана Мстителя“ къ „Братьямъ Карамазовымъ“. Нужно ли говорить, что этотъ шедевръ нашего великаго психолога показался мнѣ скучнѣе латинскихъ переводовъ. Дня четыре потѣлъ я надъ этимъ романомъ и бросилъ, одолѣвши страницъ 300, изъ которыхъ не понялъ и тридцати. Пришлось взяться за „Капитанскую дочку“.

Теперь представьте себѣ, если бы мой руководитель, отнявши у меня бульварную литературу, окружилъ бы меня литературой исключительно въ родѣ „Братьевъ Карамазовыхъ“. Несомнѣнно, что этимъ онъ обратилъ бы чтеніе, на которое я тогда смотрѣлъ, какъ на удовольствіе, въ тяжелый, непосильный, а потому и надоѣдливый для меня трудъ и мало по малу вселилъ бы въ меня отвращеніе къ чтенію и книгѣ. Навѣрно и теперь „Братья Карамазовы“ оставались бы для меня „писанными по китайски“, но онъ совѣтовалъ мнѣ прочитатъ Пушкина, Гоголя и другихъ. Я послѣдовалъ его совѣту и лѣтъ черезъ семь сознательно взялся за Достоевскаго. На этотъ разъ Достоевскій скучнымъ мнѣ не показался.

Священникъ П. Александровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О благочинническихъ библіотекахъ *). Тоже самое приходится наблюдать и надъ другими. Такъ однажды я встрѣтилъ полуграмотное семейство деревенскаго купца. Вся молодежь этого семейства любила читать, но требовала отъ книги, чтобы она сочилась кровью, чтобы убійства, казни, пытки, тюрьмы, поединки смѣняли одно другое. Поэтому въ большомъ почетѣ были у нихъ кровавыя приложешія въ „Родинѣ“. Попробовалъ я дать имъ Гоголевскаго „Ревизора“ — показался скучнымъ, а мелкихъ рассказовъ этого автора у меня не было. Въ это время одинъ изъ членовъ этой семьи гдѣ-то досталъ цѣлую серію историческихъ романовъ Гейнце. Что, кажется, безсодержательнѣе, бездарнѣе романъ этого автора? гдѣ русская исторія искажена болѣе? но мои читатели читаютъ все это и въ восторгѣ.

*) См. № 6 «Тоб. Епарх. Вѣд. за 1907 г.

Почему—отвѣтъ, на мой взглядъ , одинъ: „по баранинѣ — говядина“, по развитію читателя — талантъ автора.

Но какъ бы то ни было, а кончая эту серію романовъ, мои читатели начинали разговаривать со мной о Іоаннѣ грозномъ, о Малютѣ, о Павлѣ I и т. д., чего прежде не было. Очевидно, что не смотря на всѣ отрицательныя стороны этихъ романовъ, они всетаки затронули въ моихъ читателяхъ интересъ къ родной старинѣ, къ ея героямъ и страдальцамъ. Вотъ этимъ то я и попробовалъ воспользоваться и принесъ моимъ читателямъ „Юрія Милословскаго“. Очень талантливый, хотя и сильно повицвѣтшій за давностью лѣтъ, Загоскинъ произвелъ на моихъ читателей чарующее впечатлѣніе. Съ какимъ восторгомъ рассказывали они мнѣ сцены изъ этого романа. Съ какимъ любопытствомъ спрашивали о смутномъ времени, о самозванцахъ, о царѣ Васильѣ Ивановичѣ Шуйскомъ. Чѣмъ могъ я дѣлиться съ ними, а главное разыскивалъ и приносилъ имъ историческіе романы нашихъ лучшихъ авторовъ: „Князь Серебряный“, „Тарасъ Бульба“, „Огнемъ и мечемъ“ Сенкевича, Севастопольскіе и кавказскіе рассказы Л. Тостого... Все это читалось и перечитывалось и мои полуграмотные друзья узнали и заинтересовались великими именами Гоголя, графовъ Толстыхъ, Сенкевича, Пушкина и другихъ... Теперь же „Родину“ съ ея кровавыми приложеніями давно забросили и, даже, „Ниву“ выписываютъ только по тому, что она даетъ Щедрина.

Наконецъ, позвольте сослаться на вашъ авторитетъ, просвѣщенный читатель, вѣдь, первая прочитанная вами книжка была не ученый трактатъ, а навѣрное „Бова Королевичъ“ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Да оно и не могло быть иначе, всякое дѣло должно быть поступательнымъ. Нельзя сразу шагнуть на десятую ступень лѣстницы, нельзя начать читать съ серьезной книги.

Вотъ почему я совершенно согласенъ съ о. Мих. Звѣревымъ, который говоритъ, что и „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ могутъ быть полезны, если не намъ самимъ, то нашимъ семействамъ.

Но, конечно, я далекъ отъ мысли совѣтовать наполнить благотворительную бібліотеку литературой „двѣнадцати спящихъ дѣвъ“, какъ наполнена та бібліотека, которой завѣдуетъ о. Ст. Филипповъ *).

*) Лѣтъ пять тому назадъ я видѣлъ эту бібліотеку и основательно въ ней порылся. Автор.

Я бралъ эти два примѣра, лишь, потому, что они носятъ крайній характеръ и рѣзко отгнѣняютъ мою мысль о томъ, что въ первыхъ стадіяхъ своего развитія благотворительная библіотека должна дать самимъ читателямъ новый, интересный, увлекательный матеріалъ и не ставить новой своей задачей дать полезное и серьезное чтеніе. Приучите сначала къ работѣ, а польза отъ работы прійдетъ сама собою. Въ обоихъ же приведенныхъ мною случаяхъ кровавые романы сыиграли роль потому, что нами некому было руководить, и виноваты ли мы, что нашему дѣтскому уму правилась кровь, льющаяся въ этихъ романахъ, какъ дураву красное. При составленіи благотворительной библіотеки очень легко обойтись безъ всего этого и въ то же время начать библіотеку съ аза.

Въ нашихъ семьяхъ есть и очень не мало дѣтей. Благотворительная библіотека должна позаботиться о нихъ. Дѣтямъ нужна книжка—благотворительная библіотека должна дать ее. „Бова Королевичъ“, „Ерусланъ Ла аревичъ“ не потребуются, у насъ есть возможность дать дѣтямъ сказки Пушкина, Жуковскаго, Андерсена, Кота Мурлыки и многихъ другихъ... Хорошо изданныя, съ хорошими иллюстраціями, онѣ будутъ и интересны и понятны нашимъ дѣтишкамъ. Онѣ заронятъ въ души нашихъ дѣтей любовь къ чтенію, пробудятъ ихъ фантазію и избавятъ ихъ отъ извращенной фантазіи, грубаго, пошлаго языка сказокъ лубочныхъ изданій. „Свѣтлячекъ“, „Малютка“, „Родникъ“ и т. под. помогутъ имъ открыть глазки и, мало-мало, сознательно взглянуть на міръ Божій. Очень много разъ ранѣе и въ настоящее время мнѣ приходится видѣть, что совершенные подростки, ученики старшихъ классовъ духовныхъ училищъ, младшихъ классовъ семинаріи, „шархіалки“ переживаютъ тоже, что пережилъ и я въ мои отроческіе годы. Дома книгъ, почти, нѣтъ, а подходящихъ къ возрасту и развитію и тѣмъ болѣе, а почитать хочется... И подростокъ волей-неволей идетъ куда-нибудь къ писарю, къ мѣстному торгашу, рыться въ его книженкахъ и несетъ домой произведенія авторовъ, подражающихъ Поль-де-Коку. Забирается съ ними куда-нибудь на чердакъ и развращаетъ ими свой умъ, фантазію и половые инстинкты.

Развѣ благотворительная библіотека не могла бы дать имъ „Робинзонъ Крузе“, Майрида, Жуля-Верна и т. д.? Каждый изъ насъ по опыту знаетъ, съ какимъ увлеченіемъ прочитаетъ подростокъ эти

книги, какъ онѣ расширять его кругозоръ, какую пищу дадутъ его фантазіи, сколько сообщать ему полезныхъ свѣдѣній. А сколько есть у корифеевъ нашей родной литературы мелкихъ рассказовъ, повѣстей, стихотвореній, поэмъ, доступныхъ и понятныхъ каждому подростку?.. Возьмите Гоголя, Пушкина, Григоровича, Льва и Алексѣя Толстыхъ, Гаршля, Чехова, Помяловскаго, Рѣшетникова, Потапенко, Короленко, Надсона, Некрасова, Резенгейма и т. д. Сколько изъ этихъ авторовъ можно выбрать и предложить подростку живого, высокоталантливаго, захватывающаго. Я увѣренъ, что подростокъ безъ всякихъ „внушеній“, „дисциплинарныхъ взысканій“ оставитъ Назарьину, Гейнце и К^о и схватится за все это—талантъ, какъ магнитъ, имѣетъ притягательную силу.

Давно, еще блаженной памяти соборный протоіерей о. Савелій Туберозовъ (у Дѣскова) жаловался на свое одиночество дома и въ приходѣ. Добрая, незлобивая, любящая, но недалекая Наталья Николаевна не понимала своего умнаго и глубокочувствующаго о. Савелья. Эти же жалобы, во всевозможныхъ вариацияхъ, нерѣдко слышишь и теперь. Наши „Натальи Николаевны“ очень не рѣдко, не хуже старинныхъ матушекъ, съ головой зарываются въ интересы своего шестка, всѣмъ своимъ существомъ уходятъ въ счетъ яицъ, сметаны и масла и дальше этого ничего не видятъ, да и видѣть не хотятъ. Почему?—Опять таки по тому же, что нѣтъ книгъ, соответствующихъ развитію, нѣтъ книгъ интересныхъ. Бульварная литература слишкомъ глупа, безсодержательна, чтобы ею могла интересоваться созрѣвшая и хотя немного поучившаяся женщина. Литература, которой интересуется мужъ, если онъ похожъ на Туберозова, для матушки слишкомъ серьезна и не по силамъ. Вотъ почему матушка мало по малу отвыкаетъ отъ книги, а къ тому же и привычка-то къ ней, привитая матушкѣ въ епархіальномъ училищѣ, прогимназіи, гимназіи, въ болъшинствѣ случаевъ бываетъ не велика. Книга бросается окончательно, и за ней неминуемо мельчаютъ интересы и лѣтъ черезъ шесть получается—куриный умъ, куриное сердце, куриные интересы.

А пусть благочинническая бібліотека предложитъ молоденькой матушкѣ тѣхъ же „Соборявъ“, „Некрещенго попа“, „Мелочи архіерейской жизни“, „Запечатлѣннаго ангееа“, а дальше Потапенко, Еле-

онскаго, Елпатьевскаго, Гусева, Оренбургскаго, Чехова съ ихъ разсказами изъ нашей родной жизни, и матушка не заброситъ книгу. Книга же не дастъ измельчаться интересамъ до эгоизма насѣдки. Она будетъ помнить, что кромѣ интересовъ шестка, есть еще интересы общества, добра и правды. Такая матушка не отстанетъ отъ своего Туберозова, а пойдетъ за нимъ, или еще лучше рядомъ съ нимъ. Не удивительно будетъ, что если вы, входя въ домъ тогдашняго Туберозова, найдете „Наталью Николаевну“ увлекшейся какойнибудь книгой и не замѣтившей вашего прихода.

— Что, мать, зачиталась? спросите вы ее.

— Ахъ, это вы, здравствуйте, охнется Туберозова. Знаете ли, все вашъ хваленый Савелій принесъ мнѣ прошлый разъ Ренановскую „Жизнь Иисуса“. И мой Богъ, Спаситель міра—простой, хотя и геніальный человекъ, увлекающійся — герой-революционеръ.. Савелій, объясни, какъ такъ, неужели это правда?..—вяжусь я къ нему, а онъ, знаете, молчитъ и, улыбаясь, подаетъ мнѣ „Евангеліе мѣщанъ“ Буткевича; прочла, онъ принесъ мнѣ „жизнь Иисуса Христа“ Фирри, потомъ „Иисусъ Христосъ и социальный вопросъ“...

— И предъ вами, Наталья Николаевна, опять вамъ Богъ—Спаситель міра?...

— Аминь! Скрѣпитъ матушка—протопопица.

Повѣрьте, съ ней о. Савелій Туберозовъ одиноко не будетъ.

Или дайте молодой матери, имѣющей своего первенца, готовой положить и жизнь и силу для ненагляднаго дитяти, книгу Легафта, и ваши дѣти не бугутъ вырастать тѣми заласканными, замуштрованными, „баричами—поповичами“, или выросшими безъ всякаго призора соррѣчками, которыми теперь „хоть прудъ пруди“. Дайте ей какуюнибудь популярную дѣтскую гигиену и изъ вашей дѣтской исчезнутъ и люльки, и хлѣбная соска, а вмѣстѣ съ ними и нервная, измученная мать, больныя дѣтишки, надрывающія душу постояннымъ плачемъ.

Я нарисовалъ первыя ступени благочиннической библіотеки и моя собственная эрудиція кончается... Отцы, кто поумнѣе и поразвитѣе меня, доведите ее до возможнаго конца.

Можно подумать, что рисуя постуательную библіотечную дѣстницу, я выпустилъ изъ виду тотъ большой процентъ читателей, су-

ществованіе которыхъ я силился доказать въ первой головѣ этой статьи. Это взрослые, но совершенно отставшіе отъ книги люди. Что дать имъ? Мнѣ кажется, что, рисуя поступательную лѣстницу, я далъ самый обстоятельный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Такой читатель—есть человѣкъ, застывшій въ той или другой стадіи своего умственного развитія. Поступательная же библіотека даетъ ему полную возможность примкнуть къ любому умственному возрасту, начиная младенческимъ лепетомъ, кончая мудростью старца. И, конечно, такой читатель примкнетъ къ тому возрасту, который ему по плечу. Я же лично на первый разъ рекомендовалъ бы такому читателю авторовъ въ родѣ Немировича-Данченко. Не глубоко по содержанію знаменитый Василій Ивановичъ, большой мистеръ онъ и присочинить, не даромъ нѣкоторые остряки передѣлали его фамилію на „Невмѣру-Вральченко“, но несомнѣнно талантливъ и большой наблюдатель. Пишетъ онъ легко, образно, увлекательно. Быстро безъ утомленія скользятъ глаза по его веселымъ жизнерадостнымъ страницамъ и предъ вами проходятъ не ходульные герои, а простые смертные люди, сѣренькіе солдатики.

Предложу возраженіе со стороны сторонниковъ серьезнаго чтенія. Они могутъ указать мнѣ много примѣровъ, когда люди, не тратя времени на пустяки, на легкое чтеніе, сразу зачизались серьезной книги и достигали большихъ результатовъ. Со своей стороны я отвѣчу тоже примѣромъ: масса нашихъ матерей, а деревенскія бабы всѣ поголовно, начинаютъ кормить своихъ дѣтей, сразу по рожденіи, серьезной пищей—хлѣбной. Материно молоко они считаютъ пустяками. Не смотря на это, многіе изъ ихъ дѣтей выживаютъ и, даже, пользуются завиднымъ здоровьемъ, но, всетаки, по сравнительной статистикѣ, у насъ на святой Руси ежегодно, благодаря соскѣ, излишне гибнетъ 3,000,000 дѣтишекъ. О такомъ успѣхѣ сама халер и мечтать не смѣетъ, развѣ чахотка посощерничаетъ.

3. Большимъ препятствіемъ для нашихъ благотворительскихъ библиотекъ служатъ тѣ громадныя сравнительно пространства, которыя занимаютъ наши благочинія. Выберете самое центральное село въ благочиніи и помѣстите въ него благотворительскую библіотеку и все же, будутъ села, изъ которыхъ до этой библіотеки будетъ верстъ 50—70. За сто ыко верстъ и любящій чтеніе человѣкъ не всегда поѣдетъ, а

равнодушный къ чтенію не поѣдетъ за книгой и за 20 верстѣ. Другимъ неудобствомъ, при помѣщеніи библіотеки въ центрѣ, является то, что составъ причта этого села можетъ быть изъ людей совсѣмъ не расположенныхъ къ библіотечному дѣлу и если силой навязать имъ библіотеку, то можно поручиться, что изъ этого выйдетъ не дѣло, а только мука.

Не помѣститъ-ли библіотеку въ селѣ, гдѣ живетъ благочинный, какъ въ селѣ чаще другихъ посѣщаемомъ членами благочинническихъ причтовъ? Причты, посѣщая это село, могутъ сдавать старыя книги и получать новыя. Но и тутъ будетъ масса неудобствъ. Самому благочинному завѣдывать библіотекой нѣтъ возможности, да еще вопросъ и то, сочувствуетъ ли благочинный библіотекѣ. Между остальными членами причта можетъ не быть людей подходящихъ для этой цѣли. Вотъ, приблизительно, тѣ причины, которыя служатъ серьезнымъ камнемъ преткновенія на пути дѣеспособности благочинническихъ библіотекъ. Мнѣ думается, что этотъ камень преткновенія можно обойти. Я бы посоветовалъ библіотеку для завѣдыванія вручить тому священнику, діакону или псаломщику, который извѣстенъ въ благочиніи, какъ человекъ, любящій книгу, и который охотно возьмется за это дѣло, независимо отъ того—въ центрѣ, или на окраинѣ благочинія онъ живетъ. И вызвать изъ числа псаломщиковъ такихъ, которые охотнѣе добровольно согласятся разъ въ мѣсяцъ или въ два объѣхать благочиніе съ библіотекой. Можно изыскать небольшія средства на уплату за трудъ такому возницѣ. Мнѣ же хочется вѣрить, что въ каждомъ благочиніи найдется не одинъ псаломщикъ, который охотно возьметъ на себя этотъ трудъ безвозмездно. По крайней мѣрѣ въ своемъ благочиніи я дѣлалъ подобную попытку и трое изъ нашихъ псаломщиковъ вызвались взять на себя этотъ трудъ бесплатно, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы тѣ причты, къ которымъ пріѣдетъ подобный возница, кормили бы какъ его самого, такъ и его лошадь. Объ этомъ условіи, кажется, и говорить нечего.

Какъ видите, отцы и братіе, и этотъ камень преткновенія устранимъ. Нашлись бы только въ каждомъ благочиніи два—три человека готовыхъ потрудиться ради одной идеи этого болѣе, чѣмъ симпатичнаго, дѣла, безъ великой надежды на прибыль. А если такіе есть, то остается только начинать съ любовью. Господи, помози!

Священникъ П. Александровъ.